

Как раз в это время вдалеке монах ударил в колокол. Загадочные звуки санскрита словно шептали на ухо, а мерный звон колокола, пробуждая душу, лишал сердце покоя. Он смотрел на сверчков и размышлял: «Что я делаю? Сверчки — тоже живые существа, зачем я заставляю их драться друг с другом?» Облака, скопившиеся в небе, разошлись, солнечный свет упал на плечи, и иностранец словно впервые постиг истинный смысл жизни.

Он так глубоко ушел в себя, что спохватился и ответил на звонок лишь после того, как телефон долго и настойчиво звонил:

— Алло.

Голос Цинь Цзиня прозвучал так же холодно, как обычно:

— Появился кто-нибудь подозрительный?

Иностранец ответил почти шепотом, словно разговаривая сам с собой:

— Я проверил все внутри и снаружи храма, паломников почти нет... А если бы и пришел кто-то с дурными намерениями, здесь его душа точно была бы спасена.

С этими словами он направил телефон в сторону зала, чтобы до собеседника донеслись звуки чтения.

Иностранец запрокинул голову и закрыл глаза, впитывая атмосферу этого места:

— Слышишь?

Из-за плохой связи в горах голос в динамике звучал неразборчиво и с искажениями, но Цинь Цзинь все же уловил знакомые интонации. К тому же санскрит сложно понять без подготовки — на расстоянии это казалось бессмысленным бормотанием.

На другом конце города Цинь Цзинь нахмурился, сидя в своем кабинете:

— Что за заклинания среди бела дня бормочет Ли Сяньфу?

«Заклинания?»

Снова прижав трубку к уху, иностранец с глубоким вздохом произнес:

— Босс, у вас нет буддийской природы.

— ...

От автора:

Иностранец: У вас нет буддийской природы.

Цинь Цзинь: Я покажу тебе, что значит не иметь ничего человеческого.

...

Ли Сяньфу: Вспомнить только, три года во всем поместье не рождалось детей, никаких интриг ни внутри, ни снаружи, мир да покой.

После этих слов повисло долгое молчание.

Иностранец несколько раз позвал: «Алло?», списав все на плохую связь, и отошел чуть дальше, под дерево. Но когда звуки санскрита стихли, лицо его медленно побледнело: теперь в тишине он слышал только собственное частое дыхание.

Наконец Цинь Цзинь снова заговорил:

— Буддийская природа?

— Босс, — тело иностранца мгновенно напряглось, — тут творится какая-то чертовщина.

Он в двух словах описал свои ощущения от того, как Ли Сяньфу читал сутры:

— Вообще-то я верующий человек, верю, что Бог любит людей. Но стоило ему заговорить, как у меня в голове осталась только одна мысль: «Будда милосерден».

С детства занимаясь единоборствами, иностранец обладал сильной волей и никак не мог взять в толк, почему поддался этому влиянию.

— Если ты не справляешься с этой работой...

— Справлюсь! — поспешно заверил иностранец. — Такое больше не повторится.

Официально он считался довольно известным художником, и роль приглашенного гостя позволяла ему выполнять обязанности телохранителя незаметно для окружающих, поэтому его услуги стоили дорого. Все эти годы единственным крупным клиентом, способным исправно оплачивать его счета, оставался Цинь Цзинь. Потерять такую работу из-за какой-то «буддийской природы» было бы верхом глупости.

После окончания разговора иностранец еще долго сверлил взглядом экран телефона и вздохнул с облегчением, только когда убедился, что сообщение об увольнении не пришло.

Боковой придел.

Настоятель, посвятивший изучению буддизма многие годы и всем сердцем преданный учению, не испытал столь сильного потрясения, как остальные, однако его взгляд на Ли Сяньфу был крайне неоднозначным.

Принятие монашества требует ухода от мира Хунчэнь и избавления от трех тысяч нитей забот. Однако у стоявшего перед ним юноши волосы ниспадали подобно шелковому водопаду, а у внешнего уголка глаза красовалась манящая родинка-слезка. Изящный, почти демонический облик сочетался в нем с глубоким, наполненным дзенским спокойствием голосом — удивительное переплетение противоречий.

Незаметно, точно ручей, пролилась половина сутры.

Ли Сяньфу закрыл книжицу и надолго опустил голову, приходя в себя.

Слушателям казалось, что отголоски его голоса все еще витают в воздухе, а их собственные сердца наполнились тишиной, подобной невозмутимой глади старого колодца.

Система когда-то говорила, что поклонение Будде — это поклонение мирским желаниям. Но когда буддийские истины излагал Ли Сяньфу, результат был один: полное отречение от этих

желаний. А без желаний человек обретает непоколебимую силу.

Старик Ли и остальные пока не могли оправиться от этого состояния. Для них сейчас горы перестали быть горами, а вода — водой.

Настоятель не стал их тревожить и пригласил Ли Сяньфу прогуляться наедине по тихой тропинке.

Туман рассеялся, и солнечный свет залил землю.

Настоятель протяжно вздохнул:

— Оказывается, во всем в этом мире важен талант, и служение Будде не исключение. Я пришел к пониманию лишь в последние десять лет, а ты в столь юном возрасте уже все постиг.

Ли Сяньфу ответил:

— Не стоит принижать себя.

Сам он тоже потратил в общей сложности около десяти лет, прежде чем удостоился этого звания.

День выдался на редкость благоприятным, и после полудня в храм Синъюнь потянулось множество паломников. Настоятель поначалу хотел предложить юноше принять постриг, но рассудил, что монаху не пристало навязывать подобное, поэтому лишь сложил ладони в приветствии, кивнул и удалился.

Становилось все жарче. Ли Сяньфу сидел под деревом в ожидании прохладного дуновения ветра.

Пока он отдыхал и собирался с мыслями, Ли Сичунь вернулась из галереи. Жалуясь на невыносимую погоду, она мечтала о стакане ледяной колы. Но стоило ей сделать шаг к холодильнику, как она резко замерла. Девушка трижды протерла глаза, чтобы удостовериться: на диване действительно сидел Ли Шаша. Сердце у нее тревожно сжалось.

— Насколько я помню, уроки у тебя еще не закончились.

Ли Шаша серьезно ответил:

— Я прогулял.

В этот миг Ли Сичунь словно увидела прежнего Ли Сяньфу — тот же равнодушный тон после прогула. Она устало потерла переносицу, собираясь первым делом связаться со школой.

Ли Шаша будто предугадал ее намерения и добавил:

— Я сказал учителю, что мне нехорошо, и позвонил тете Чжан, чтобы она меня забрала.

Ли Сичунь посмотрела в сторону кухни. Тетя Чжан смущенно развела руками:

— Вас никого дома не было, вот мне и пришлось съездить.

При этих словах лицо Ли Сичунь сделалось непривычно серьезным. Она придвинула низкий табурет, села напротив Ли Шаши и, глядя ему прямо в глаза, произнесла:

— Ложь — это куда серьезнее, чем просто прогул.

Ли Шаша достал из кармана листок бумаги.

— Что это?

— Моя объяснительная.

Это было составленное по всем правилам признание вины — не менее восьмисот слов глубокого самоанализа. Прочитав его от начала до конца, Ли Сичунь подумала, что мальчику уже давно пора перепрыгнуть через класс.

Подготовив почву, Ли Шаша озвучил свою настоящую просьбу:

— Отвези меня в горы.

— Ты уже взрослый парень, нельзя же постоянно бегать за па...

Ли Шаша перебил ее, указав пальцем на лист:

— Пожалуйста, прочитай предпоследний абзац.

Ли Сичунь пробежала глазами строчки:

«После возвращения из-за границы папа то снимается в шоу, то ездит на пленэры. Мы почти не видимся.

Я живу как сирота».

— ...

На бумаге сквозила невыразимая горечь, однако сам автор сидел на диване с совершенно невозмутимым видом и деловито диктовал свои условия.

Ли Сичунь сдалась:

— Собирайся, едем прямо сейчас.

Ли Шаша взял только куртку и спустился вниз. Увидев, что она ищет попутную машину в приложении, он посоветовал:

— Ты могла бы использовать этот повод, чтобы связаться со своим парнем. Постоянно избегать разговора — не выход.

Немного помолчав, он добавил:

— Так папа говорит.

Ли Сичунь не удержалась и легонько ткнула его пальцем в лоб, вздохнув:

— Не бери пример с отца. Видеть людей насквозь — не всегда к добру.

Ли Шаша парировал:

— Вот поэтому у меня и нет мамы.

— ...

*

В кои-то веки рабочий день закончился рано. Стоило Гао Сюню выйти из офиса, как у него зазвонил телефон. Ли Сичунь спросила без лишних предисловий:

— Свободен?

Гао Сюнь остановился и ответил почти без колебаний:

— Да.

— Отвези меня в горы, заодно поговорим.

— Хорошо.

Он не стал расспрашивать о деталях и сразу пошел к машине.

В подземном паркинге как раз находились Цинь Цзинь со своим помощником. Помощник высунулся из окна автомобиля и удивленно пробормотал:

— Куда это он так торопится? Я его окликнул, а он даже не услышал.

Вне рабочего времени тон общения становился проще, поэтому помощник полусхвату добавил:

— Мчится как на пожар, наверняка к девушке спешит.

Цинь Цзинь оторвал взгляд от документов, посмотрел вперед и негромко произнес:

— Позвони ему.

— А?

Цинь Цзинь никогда не повторял дважды. Справившись с минутным замешательством, помощник тут же набрал номер.

Гао Сюню пришлось прижаться к обочине. Решив, что это по работе, он настроился на нужный лад и ответил:

— Слушаю, босс.

Цинь Цзинь откинулся на спинку сиденья:

— Какие планы на вечер?

Гао Сюнь ответил как есть:

— Собираюсь отвезти девушку в горы.

Услышав это, Цинь Цзинь отвернулся к окну. О чем-то задумавшись, он вдруг упомянул имя Ли Сяньфу и спокойно добавил:

— Если встретишь там Ли Сяньфу, не слушай, что он говорит.

Гао Сюнь удивился, но расспрашивать не решился, поэтому просто согласился.

Когда машина подъехала к назначенному месту, Гао Сюнь увидел стоявшую под пешеходным мостом Ли Сичунь с ребенком.

Он немного удивился, но быстро сообразил, что это, должно быть, сын Ли Сянфу.

Сев в салон, Ли Сичунь сразу проложила в навигаторе маршрут до храма Синъюнь.

Дорога в горах была довольно широкой. Они ехали в молчании, которое неожиданно нарушил Ли Шаша. Закрыв глаза, он совершенно серьезно произнес:

— Можете представить, что меня здесь нет.

Его тон был настолько деловитым, что Ли Сичунь не выдержала и тихонько рассмеялась.

<http://bllate.org/book/18300/1757030>